

нако это далеко не так. Говоря о представителях английской литературы, творчество которых входило в это время в орбиту интересов русской литературы, Пушкин явно имел в виду не только Байрона, но и Стерна, Шекспира, Фильдинга.

В докладе Я. Е. Эльсберга очень хорошо аргументирован тезис о том, какую огромную роль в развитии критического реализма в мировой литературе середины XIX в. сыграл синтез эстетических принципов просветительского реализма и романтизма. Исследователь правильно подчеркнул, что в творчестве каждого из больших писателей этот синтез носил «своеобразный и неповторимый характер».

Мне представляется очень значительным и тезис о том, что «идейный духовный склад лучших представителей поколения дворянских революционеров 20-х годов, перейдя из жизни в творчество Пушкина, как бы расцвел здесь, гармонически воссоединившись с внутренним миром самого поэта». Мне пришлось недавно познакомиться с работой венгерского литературоведа Иштвана Шетера, посвященной сравнительно-исторической характеристике Мицкевича и Петефи. Академик Шетер хорошо понимает все своеобразие путей развития литератур Польши и Венгрии первой половины XIX в., что не мешает ему очень тонко охарактеризовать и определенную близость социально-политической и экономической структуры этих отсталых крестьянских стран, в строительстве национально-демократической культуры которых ведущая роль долго принадлежала передовой дворянской интеллигенции. Многие из того, что Иштван Шетер пишет о Мицкевиче и Петефи, оказывается близким тому, что мы знаем о Пушкине и поэтах-декабристах. Результаты изучения литературы первого этапа освободительного движения в России позволяют многое уяснить и в развитии передовой польской и венгерской литературы, каждой в отдельности и в их исторических взаимосвязях.

Н. Л. Степанов

ПУШКИН И ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ РЕАЛИЗМ

Работа Я. Е. Эльсберга знаменательна, значительна и интересна тем, что проблема стиля, проблема художественного метода поставлена им в плане сочетания элементов мировоззрения и словесно-художественной специфики.

Мне представляется совершенно правильным рассматривать вопрос о значении Пушкина в развитии мировой литературы не в плане отдельных эмпирических сопоставлений, сюжетных или идейных мотивов, как часто встречалось в пушкиноведении. Сама идея показать место Пушкина в мировой литературе как некоем едином целом чрезвычайно интересна. Но для этого, естественно, требовалась бы более широкая и подробная характеристика западноевропейской литературы данного этапа.

Естественно, что в пределах одного доклада эти возможности не могли быть реализованы, и Я. Е. Эльсберг ограничился в сущности некоторыми сравнениями творчества Пушкина с творчеством Бальзака, Стендаля, Гете и Дидро.

Плодотворна постановка вопроса об эволюции просветительского реализма. Этот термин уже применялся в ряде работ о западной литера-

туре XVIII в. В русской литературе конца XVIII — начала XIX в. многие явления также квалифицировались как просветительский или дидактический реализм. Мне представляется наиболее правильным и верным говорить именно о просветительском реализме в русской литературе этого времени.

Но все же эта проблема еще не полностью решена, да и сам термин не был еще в достаточной степени принят.

Хотелось бы остановиться сейчас на тех очень интересных, я бы сказал жизненно-необходимых нам идеях, которые выдвинуты в работе Я. Е. Эльсберга, и на критике некоторых ее положений. Прежде всего, на мой взгляд, неправильно выводить реализм Пушкина только из просветительского реализма. Хотя Ю. Г. Оксман так же, как и Я. Е. Эльсберг, упоминает о романтизме, но проблема романтизма в его всемирно-историческом значении и в его значении непосредственно в пушкинском творчестве ими по существу обойдена, а вне ее решения очень многие вопросы, поставленные в докладе, просто неразрешимы. Нельзя не отметить, что сама проблема взаимоотношения романтизма и реализма в нашем литературоведении не решена. Не думаю, что нужно говорить о сосуществовании реализма и романтизма.

Здесь вопрос гораздо сложнее; речь идет не о «сосуществовании», а о синтезе, о взаимодействии этих двух стилей, о победе реализма.

Между тем когда читаешь работы специалистов по западно-европейским литературам (например, историю английской или французской литературы), то с удивлением отмечаешь, что и Вальтер Скотт, и Бальзак, и Стендаль в сущности уже сложившиеся критические реалисты; об их романтизме упоминается очень робко, как о чем-то второстепенном и не существенном.

Мне кажется, такая постановка вопроса неправомерна. В данном случае я не присоединяюсь к точке зрения Г. А. Гуковского, согласно которой реализм есть результат разложения романтизма.

Я думаю, что реализм XIX в. сводился не только к учету того, что было сделано романтизмом. Многое из романтизма было им не только органически усвоено, но и преодолено и принципиально изменено. Опыт Бальзака, опыт Стендаля, опыт того же Пушкина показывает это.

Очевидно, проблема романтизма должна быть поставлена нами гораздо шире, гораздо острее, чем ставилась до сих пор. Для творчества Пушкина до 1825 г. эта проблема является, я бы сказал, центральной. Без этого невозможно понять становление Пушкина — идейное и художественное. Если об этом не сказать, мы как бы отбросили Пушкина непосредственно к просветительскому реализму, без всяких переходных моментов, этапов и воздействий, что мне представляется неправильным. Я согласен с тем, что просветительский реализм Дидро, Вольтера имел огромное значение для Пушкина, но не меньшим было значение романтической прозы, романтической поэзии, романтической драмы.

Думаю, также, что Ю. Г. Оксман правильно усомнился в том, что докладчик выводит все мировоззрение и творчество Пушкина из исторической обстановки, сложившейся до 1825 г. По существу же Пушкин становится реалистом именно после 1825 г. — и на протяжении последнего десятилетия своей жизни. Мировоззрение его окончательно складывается после декабристского восстания.

Я. Е. Эльсберг остановился на эпохе до 1825 г. потому, что с ней связаны патриотический народный подъем в войне 1812 г. и революци-

онные чаяния декабристов. Это та питательная среда, на которой вырастает Пушкин.

Верно, что Пушкин на этом вырастает, верно, что Пушкин и после 1825 г. продолжает петь «гимны», но это не только прежние гимны, и поет он их по-иному. Это, конечно, не означает, что мы должны прийти к теории, которая существовала в 30-е годы,— об отказе Пушкина от прежней революционности. Это давно похороненная теория, и никто сейчас не думает ее воскрешать. Но тем не менее мировоззрение Пушкина, его политические воззрения, система его мышления, его художественный метод складываются именно во второй половине 20-х годов и в 30-е годы. Разгром декабрьского восстания, подавление крестьянских волнений 1831 г.— все это события, на которые непосредственно откликнулся Пушкин и которые не в меньшей мере воздействовали на формирование поэта. Реализм Пушкина начинается именно тогда, когда он отказывается от романтического подхода к истории, когда он становится на точку зрения подлинного историзма, и это непосредственно отражается и на его творческом методе, в его реалистических завоеваниях. Переход Пушкина к реализму начинается с «Бориса Годунова».

Я думаю, в частности, что теория «двойного сюжета», которую выдвигает Н. Я. Берковский, а Я. Е. Эльсберг делает чуть ли не основным признаком реализма,— это теория более чем спорная, надуманная и не раскрывающая реализма Пушкина. Мировоззрение Пушкина в докладе Я. Е. Эльсберга также освещается несколько односторонне, поскольку почти не упомянуто о проблеме народности, а вне оценки исторической роли народа мировоззрение Пушкина в конечном итоге не может быть понято.

Остановлюсь и на таком частном вопросе, как несправедливая с моей точки зрения, оценка образа Германа и его места в творчестве Пушкина.

Я согласен с тем, что здесь есть ирония, что Пушкин не сочувствует Герману, но ведь никто не высказывал такого мнения, что Пушкин ему сочувствует. Германн не является положительным героем, так же как Люсьен не является положительным героем Бальзака.

Пушкин первым в русской литературе, одновременно с Бальзаком, создал важный по своему разоблачительному значению и по пониманию трагизма надвигающейся исторической коллизии образ Германа. Потому-то он и был подхвачен Достоевским. Пытаясь оспорить это, Я. Е. Эльсберг предлагает противопоставить светскому дворянскому обществу не образ Германа, а образ Лизаветы Ивановны. Но это тоже иронический образ. В «Пиковой даме» сказалось воздействие романтизма, и в этом случае не следует говорить о просветительском реализме, о классицизме и т. д. Классицизм и просветительский реализм в творчестве Пушкина возможны лишь до 1825 г. Лирика Пушкина 30-х годов снимает эти проблемы. Возникают другие проблемы, в то время как принципы классицизма и просветительского реализма теряют свое значение.

Думаю, что Я. Е. Эльсберг не совсем правильно называл Шатобриана, Сенанкура наиболее романтическими явлениями своего времени. «Литература образов» по Бальзаку— это литература, применявшая романтические, а не реалистические принципы. Вывод, который делает докладчик исходя из этого положения Бальзака, недостаточно обоснован. Не совсем ясен и конечный вывод. Что же получается? Что Пушкин— переходное явление от просветительского реализма к реализму критическому, минуя романтизм? Это спорно и сомнительно.

Разумеется, все эти вопросы не могли найти отражения в одном докладе. Однако если на дискуссии о взаимосвязях и взаимодействии национальных литератур ставится доклад о Пушкине и развитии мировой литературы, то об отношении мировой литературы к Пушкину и следовало бы сказать больше. Если бы не существовало Вальтера Скотта и ряда других писателей, таких, например, как Бенжамен Констан, то, по-видимому, Пушкину пришлось бы достигать того, чего он хотел, другим путем, может быть более сложным. Это никак не умаляет новаторства Пушкина, его национальной самобытности. Думаю, что нельзя отказываться от рассмотрения вопросов действительного взаимодействия и говорить, что для Пушкина бесследно прошел Вальтер Скотт. Становление Пушкина без учета роли В. Скотта будет просто непонятно.

Проза Пушкина не оказала такого непосредственного воздействия на мировую литературу, как проза Тургенева или проза Чехова. Тем не менее через того же Тургенева, через того же Чехова, через все богатства русской литературы XIX в. это воздействие было очень значительно. Интересовался ли прозой Пушкина, высказывался ли о нем тот или другой писатель — это внешние факты. Глубокое же воздействие русской классической литературы за рубежом включает в себя пушкинское начало.

Н. Е. Крутикова

РОЛЬ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУР В РАЗВИТИИ РЕАЛИЗМА

В интересном докладе Р. М. Самарина справедливо отмечено, что основной порок компаративизма — не в признании самого факта влияния, а в идеалистическом взгляде на литературу, в отсутствии конкретно-исторического подхода к ее явлениям.

Исследуя литературные взаимосвязи, мы исходим из того, что причина, которая определяет основные проблемы национальной литературы, — ее жизненный материал и средства его художественного воплощения, — лежит прежде всего в общественно-исторической жизни данного народа, а также в тех литературных и фольклорных традициях, которые складывались у данного народа на протяжении веков. В то же время каждая национальная литература развивается в связи и взаимодействии с другими литературами, творчески осваивая их опыт и внося свой вклад в мировую культуру.

Вопрос о взаимном воздействии литератур тесно связан с важнейшим теоретическим положением марксизма об активной роли идей в жизни общества. Ленинское учение о двух культурах в каждой национальной культуре является подлинным ключом к пониманию характера литературных взаимосвязей в условиях классового общества.

На нашей дискуссии не было серьезных методологических разногласий. Речь шла главным образом о некотором уточнении методологических принципов, о методике конкретного исследования литературных взаимосвязей. Это, несомненно, будет весьма полезным в дальнейшем развитии нашей науки.

С этой точки зрения важной представляется предложенная в докладе И. Г. Неупкоевой классификация основных исторически сложившихся типов взаимных связей литератур (так называемые «контактные» связи и связи по исторически обусловленному сходству литературных процессов).

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А.М.ГОРЬКОГО

ВЗАИМОСВЯЗИ
И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ
НАЦИОНАЛЬНЫХ
ЛИТЕРАТУР

МАТЕРИАЛЫ ДИСКУССИИ

11—15 января 1960 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА 1961